

В этот момент во двор внезапно вбежал молодой человек в соломенном плаще от дождя. Хэ Бянь поднял голову — это был внук главы рода, Тянь Ун. Он был всего на три года старше него; сейчас ему было восемнадцать, но дед по-прежнему звал его "малышом".

Тянь Ун подбежал под карниз, увидел, что Хэ Бянь на месте, и облегчённо выдохнул. Не говоря ни слова, он вытер мокрые руки о себя — впрочем, весь был насквозь промокший — и попросил у Хэ Бяня сухое полотенце. Лишь тщательно вытерев пальцы, он достал из-за пазухи аккуратно сложенный лист бумаги, сухой, размером с ладонь.

Развернув его, он показал надписи и красную печать властей. Но Хэ Бянь не умел читать и с сомнением посмотрел на Тянь Уна.

«Хэ Бянь, - сказал тот, - это твоё домовое свидетельство, которое дал тебе мой дед. Хозяином в нём записан ты».

Не дав ему опомниться от изумления, Тянь Ун развернулся и снова побежал под дождь. Сделав несколько шагов, он вдруг хлопнул себя по лбу, словно в спешке о чём-то забыл, вернулся и, сняв с пояса кошелёк, сунул его Хэ Бяню:

«Дед сказал, это немного дорожных денег из общего фонда рода».

С этими словами он поспешил прочь — ему ещё нужно было уговаривать людей переселяться в горы.

Хэ Бянь смотрел на промокший кошелёк в своих руках, и сердце его внезапно дрогнуло. Значит, глава рода всегда ему не доверял, но внешне поддерживал... и в самый последний момент всё же дал ему то, чего он так добивался, — документы и деньги на дорогу?

Каждую монету здесь делили надвое, а эти несколько сотен вэнь — это уже годовые расходы для целой семьи.

Холодные медные монеты жгли ладонь Хэ Бяня, словно были раскалёнными.

Чжоу Ци тоже слегка опешил; в его обычно холодных и спокойных глазах мелькнула тень раздумья.

В мире, откуда он пришёл, среди звёзд, он считал людей лицемерными и эгоистичными: под оболочкой тепла и благородства скрывались расчётливые, грязные души. Ради цели они не гнушались ничем; перед лицом смерти не признавали даже кровного родства. Невежественные, гонящиеся за славой и выгодой, они проживали суетную жизнь, чтобы в конце концов рассеяться прахом. Люди с самого рождения будто стояли на заранее подготовленной сцене, превращённые судьбой в марионеток, но при этом с упоением твердили, что сами всем управляют.

А теперь, в почти безвыходной ситуации, где всех ждала смерть, глава рода отдал Хэ Бяню и домовое свидетельство, которое тот так отчаянно хотел, и деньги на дорогу. Это расходилось с прежними ожиданиями Чжоу Ци.

Образ старика, прежде не привлекавший его внимания, теперь ясно всплыл в памяти: седая борода, худое лицо, впалые глазницы, но взгляд — ясный, как у дерева, пережившего зиму и вновь встретившего весну, — твёрдый, и в нём скрывались печаль и бессилие.

Это был второй человек в этом чужом мире, помимо Хэ Бяня, который привлёк его внимание.

«Так что, спасти?» - снова спросил Чжоу Ци у Хэ Бяня.

Хэ Бянь сжал в ладони медные монеты. Жёсткие, холодные, они впивались в кожу, словно кололи прямо в сердце. Стиснув зубы, он покачал головой:

«Спасать? Кого спасать? Они и так мне должны! И что, из-за этой мелочи я должен поставить на кон свою жизнь? В прошлой жизни я уже раз обжёгся — повёлся на жалкие крохи добра, добровольно стал для них и скотом, и лошадью... а в итоге лишился жизни».

Он не собирался разбираться, с чего вдруг глава рода устроил всё это. Ему нужно было лишь одно — позаботиться о себе. Сейчас у него был только один выбор — бежать!

Подумав об этом, Хэ Бянь провёл рукой по лицу, будто хотел стереть из памяти тех соплеменников, что стояли на коленях под проливным дождём. Ха, глупцы... возложили надежду на выживание на того самого жалкого сироту, которого раньше презирали. Пусть теперь сами ждут своей участи в безысходности. Когда прорвёт дамбу, он уже будет далеко — с деньгами и вещами, свободный от всего.

Чжоу Ци, заметив, как лицо Хэ Бяня вновь омрачилось жёсткой, почти яростной решимостью, понял: израненный до глубины души, колеблясь, он выбрал самую холодную, эгоистичную сторону. Но на самом деле именно она была самой хрупкой и уязвимой.

Лишь когда в сердце заново прорастает живая плоть, можно говорить о настоящем возрождении. Иначе Хэ Бянь так и останется пленником ненависти и боли. А сейчас он уже не тот живой человек — всего лишь марионетка, движимая злобой.

И с таким сердцем, даже если он сумеет сбежать, ему будет трудно почувствовать радость жизни — скорее всего, он так и будет день за днём метаться в мучительных сомнениях и внутренней борьбе.

Чжоу Ци серьёзно произнёс:

«Хэ Бянь, тебя, возможно, хранят предки семьи Тянь. Не исключено, что именно ты способен спасти судьбу этой деревни».

Хэ Бянь в неверии поднял голову:

«Ты считаешь, их нужно спасать? Думаешь, я бессердечный? Я тебя ненавижу!»

Он покраснел от злости, худощавая грудь тяжело вздымалась, словно его снова глубоко предали.

С этими словами он рванулся под проливной дождь, но Чжоу Ци одной рукой преградил ему путь. Хэ Бянь попытался проскользнуть, пригнувшись, но вторая рука остановила его. Отступив на несколько шагов, он оказался прижат к стене.

Чжоу Ци наклонился, собираясь всё спокойно объяснить, но лишь сказал:

«Я не это имел в виду».

«Не это? У тебя на лице вечно это холодное, отстранённое выражение, будто ты просто наблюдаешь со стороны! Ты всё время смотришь на меня так, словно оцениваешь! Но теперь ты мне больше не нужен. И твоего одобрения мне тоже не нужно. Я такой, какой есть —

подлый и злой! Я бы даже хотел, чтобы ты был глупцом... тогда мне было бы легче» - упрямо бросил Хэ Бянь, и в его глазах невольно заблестели слёзы.

Чжоу Ци, глядя на его надутый от злости вид, на мгновение отвлёкся. За последние полмесяца щёки Хэ Бяня будто чуть округлились — теперь, когда он сердился, они даже слегка подрагивали. Казалось, он и ростом немного вытянулся. Но его гневный взгляд был слишком явным, чтобы его игнорировать, и Чжоу Ци быстро пришёл в себя, задумавшись о собственных словах и поступках. Он понял, что Хэ Бянь, по сути, прав.

Чжоу Ци всегда любил размышлять, наблюдать и подводить итоги. Раньше он словно стоял вне мира, рассматривая и оценивая всё вокруг — и, даже оказавшись в этом чужом мире, не избавился от этой привычки.

Чжоу Ци сказал:

«Тогда что мне сделать, чтобы ты перестал злиться?»

Хэ Бянь усмехнулся холодно:

«Раз уж ты так хочешь быть хорошим — иди и спасай эту деревню сам».

«Я не собираюсь спасать деревню» - ответил Чжоу Ци. «Я хочу, чтобы тебе было лучше».

«Значит, ты тоже меня презираешь?!» - на этот раз Хэ Бянь действительно взорвался от злости.

Конечно... он сам виноват — всё время возлагает надежды на других, всё время падает в одну и ту же яму.

Его трясло от гнева, губы дрожали. Упрямо вскинув голову, он впился в Чжоу Ци взглядом — полным ярости и решимости. Высокий Чжоу Ци опустил голову и вдруг ощутил странное сжатие в груди.

Он всё ещё не умел правильно справляться с такими ситуациями.

Видя, что Хэ Бянь готов порвать с ним окончательно и возненавидеть, Чжоу Ци наклонился, поднял руку и обнял его — он помнил, что Хэ Бянь когда-то просил об этом.

Человек в его объятиях сопротивлялся, бил кулаками в грудь, но Чжоу Ци мягко похлопал его по спине, передав немного своей силы — и тот постепенно затих.

Отпустив его, Чжоу Ци снова посмотрел вниз. Лицо Хэ Бяня было залито слезами. Он поднял руку и большим пальцем вытер их. Голос его прозвучал холодно, твёрдо, недопускающе возражений:

«Подожди меня здесь одну палочку благовоний. Когда я вернусь — пойду с тобой».

Сказав это, он развернулся и шагнул в проливной дождь. Когда Хэ Бянь, всё ещё ошеломлённый, пришёл в себя и поднял рукав, чтобы стереть застилающие глаза слёзы, силуэт уже растворялся вдали.

И только теперь он пожалел, что не вытер слёзы раньше — не разглядел его выражение лица.

Кто станет его ждать? Ждать кого-то — удел глупцов.

Не нужно больше кормить такого нахлебника — жизнь сразу станет легче.

Пять с лишним лянов серебра хватит ему на два года — достаточно, чтобы начать новую жизнь.

Хэ Бянь уже решил больше не верить ему. Подхватив мешочек с монетами и узел с вещами, он надел соломенный плащ и шагнул было под дождь.

Но, ступив одной ногой в ливень, он остановился и отступил назад.

Он вспомнил тёплые, надёжные объятия... вспомнил, как от Чжоу Ци всегда исходило это успокаивающее, непреодолимое тепло. Хэ Бянь стиснул зубы, пытаясь отогнать эти мысли, но слёзы хлынули ещё сильнее.

Как он может быть таким жалким? После перерождения он твёрдо решил жить только ради себя — и вот снова так быстро угодил в новую ловушку... в сладкую ловушку, ради которой он готов вновь добровольно погубить свою жизнь.

Обычно одна палочка благовоний сгорает очень быстро. Но сейчас каждый вдох и выдох даётся с трудом.

В его голове — лишь Чжоу Ци, и это было очень плохо. Тогда он попытался вспомнить прежние вещи, те, что причиняли ему боль, те, что укрепляли его в жажде мести. Но он обнаружил, что всё, что раньше было таким ясным, стало расплывчатым и неразборчивым. Хэ Бянь почувствовал тревогу и страх: как он мог забыть всё это? Он не имел права забывать — забыть означало предать собственные страдания и мучения.

Но сколько бы он ни пытался вспомнить, всё оставалось туманным. Зато отчётливее всего всплывали последние полмесяца после его перерождения — каждое мгновение, проведённое рядом с Чжоу Ци. Хэ Бянь не хотел думать об этом. Он попытался представить своё будущее, но стоило ему начать, как все светлые картины неизменно оказывались связанными с Чжоу Ци.

Мысли Хэ Бяня путались всё сильнее. Он смотрел на тревожную, густую завесу дождя — такую же мрачную и беспорядочную, как и состояние, которое он сейчас сам презирал.

<http://bllate.org/book/17226/1617193>